

Серия «ПРО собак»

Александра Горовиц

ВНУТРИ СОБАКИ

Что они видят,
чувствуют и знают

КЛАДЕЗЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 636.7
ББК 46.73
Г70

Alexandra Horowitz
Inside of a Dog
What Dogs See, Smell, and Know

Печатается с разрешения *Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.*
и литературного агентства *Andrew Nurnberg*

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Горовиц, Александра.

Г70 Внутри собаки. Что они видят, чувствуют и знают / А. Горовиц ; перевод с английского В. Сергеева, Е. Макаревич — Москва : Издательство АСТ : Кладезь, 2026. — 416 с. — (ПРО собак).

ISBN 978-5-17-188938-8

ISBN 978-1-6680-8737-4 (англ.)

Собаки — не просто питомцы, а настоящие интеллектуалы с богатым внутренним миром!

Раскройте тайны их мышления и восприятия мира.

Автор книги, известный специалист по когнитивной психологии Александра Горовиц, представляет самые современные научные факты о реальном мышлении питомцев. Познакомьтесь с удивительными способностями собак, научитесь выстраивать по-настоящему крепкую, доверительную связь со своим любимцем и откройте для себя их неповторимый взгляд на жизнь!

- Как собаки воспринимают запахи, звуки и эмоции людей?
- В чем секрет их памяти и способности к обучению?
- Как научиться понимать и предугадывать поведение питомца?
- Какие упражнения помогут развить умственные способности вашей собаки?
- Как использовать знания из книги для улучшения здоровья и характера питомца?

УДК 636.7
ББК 46.73

ISBN 978-5-17-188938-8
ISBN 978-1-6680-8737-4 (англ.)

Copyright © 2009 by Alexandra Horowitz, with
illustrations by the author

© Сергеева В. С., перевод, 2025

© Макаревич Е. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

Посвящается собакам

С точки зрения человека, книга — лучший друг.
С точки зрения собаки, здесь слишком темно.

Приписывается Граучо Марксу

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Как же приятно вернуться к этой книге спустя пятнадцать лет после первого издания. В том самом месяце, когда вышло первое издание, у меня родился сын; он был младенцем весом в два с половиной килограмма, а теперь стал замечательным подростком — умным, любопытным, оригинальным. Готовя эту книгу к переизданию, я надеюсь, что она тоже повзрослела. Многие успело измениться. Я создала в Барнард-колледже Центр исследования когнитивных способностей собак — первый в своем роде в США. Там мы изучаем поведение собак на площадках, дома и в лабораторных условиях. Я написала еще четыре книги, и в процессе их написания мои представления о собаках заметно расширились. Психологию собак теперь гораздо активнее изучают; людям это интересно, и многие начинают по-новому смотреть на животных, живущих рядом с нами.

Я внесла в книгу всестороннюю правку, добавив новые исследования и на их основе откорректировав некоторые вещи. Появились новые парадигмы и открытия; если раньше я писала «эта тема еще не изучена», теперь могу написать — «изучена». В частности, в это издание вошли результаты исследования, посвященного вниманию у собак:

оказывается, они чаще смотрят на правую сторону нашего лица, чем на левую, и то же самое свойственно нам, когда мы смотрим друг на друга. Я включила в книгу работы, в которых доказывается, что собаки способны распознавать веселое и сердитое выражение лица — даже притворное. Ученые обнаружили, что собаки ощущают наш стресс (буквально чувствуют), и от этого становятся пессимистичнее. Что касается собачьего нюха, я постаралась разобраться, как они воспринимают мир при помощи запахов. Узнают ли они нас по запаху? Да. Знают ли собственный запах и подмечают ли, когда он меняется? Да. Есть новейшие исследования, которые касаются планирования, подражания, цветовых предпочтений, понимания языка; исследования, касающиеся рабочих собак, пород и всеми любимых щенят — в том числе те, которые показывают, что мы сами делаем их максимально миленькими.

Иногда новое исследование ведет к расширению представлений о том, что мы, казалось бы, уже давно знали. Например, в двухтысячных ученые считали, что одни только собаки могут найти спрятанное лакомство, на которое человек указывает пальцем. А теперь мы знаем, что это не так. Нам известно, когда они этому учатся (с детства) и при каких условиях (примерно в половине случаев) они этого не делают. Оказывается, что и другие животные, от лошадей до свиней, тоже неплохо умеют воспринимать указательный жест, если у них был соответствующий опыт. Собаки, конечно, выделяются своими когнитивными способностями и играют в жизни человека уникальную роль. Но мы утверждаем, что они обладают феноменальными способностями, в основном потому, что пристрастны. Свинью мы, скорее, предпочтем увидеть на сковородке,

чем на диване. Таким образом, хотя эта книга посвящена в первую очередь собакам, их восприятию и когнитивным способностям, мы можем задуматься и о картине мира любого другого животного. Надеюсь, что новый взгляд на собак расширит наше представление обо всех животных.

Некоторые вещи в этом издании касаются социальных, даже личных изменений. Хотя собаки юридически считаются собственностью, которой мы владеем, слово «владелец» не вполне описывает наши отношения с собаками. Некоторые люди называют себя «мамами» и «папами» своих собак; я по-прежнему использую слова «владелец» и «хозяин». Но так же часто я говорю про свою собаку, что я — ее человек. Кое-где коррективы отражают изменения в науке: мы изучаем собак как класс, но, пытаясь понять, что же собака знает и понимает, все чаще признаем важность индивидуальных отличий — характера, биографии, мотивации.

Кстати, об индивидуальном. К написанию книги меня побудила Пумперникель; мощное биение ее сердца и веселое пыхтение поддерживали процесс. За те годы, что мы гуляли вместе, она изменила меня. Я была потрясена, когда поняла, что уже провела без нее больше времени, чем она вообще прожила. Собаки по-своему воспринимают время, оно меняется для них с течением жизни, и их опыт связан с восприятием мира через запах. Люди, животные и события, наполнявшие жизнь Пумперникель, то сжимали, то расширяли время.

Для меня время с момента первой публикации этой книги измеряется собаками. После Пумперникель у нас был очаровательный черныш Финнеган. Затем к нему присоединился огромный и нелепый пестрый Аптон; так

у нас оказалось две собаки. Потом мы взяли трехцветную кошку Эдсель, которая привязалась сначала к собакам, прежде чем признала нас. В 2020 году появилась третья собака, щенок, умильная бородатая Квиддити. С ней я познакомилась, как только она появилась на свет. Через два года умер пятнадцатилетний Финн, а через месяц Аптон. Некоторое время Квиддити царствовала единолично. Сейчас у нас снова две собаки: к нам присоединилась Тильда, огромная и пестрая, как Аптон, и обаятельная, как Финн. Эдсель тоже никуда не делась! Все эти эпохи имели свою динамику: сначала две собаки, потом три, потом собаки и кошка, а параллельно — я, с ребенком и другими членами семьи. Мои представления, мысли, результаты исследований продолжали меняться, и в этом издании вы с ними встретитесь.

А теперь, наконец, поговорим о собаках!

ВСТУПЛЕНИЕ

Сначала вы видите голову. Над вершиной холма возникает истекающая слюной морда, которая как будто существует сама по себе. Затем возникает лапа, за ней неторопливо появляются вторая, третья и четвертая. Они поддерживают туловище — шестьдесят пять килограммов живого веса. Волкодав, около метра в холке и длиной в полтора метра до кончика хвоста, видит крошечного чихуахуа, который прячется в траве, под ногами хозяина. Чихуахуа весит три килограмма и дрожит с головы до ног. Одним скачком волкодав оказывается перед чихуахуа и с любопытством поднимает уши. Чихуахуа застенчиво отводит взгляд; волкодав наклоняется и прикусывает ее за бок. Чихуахуа смотрит на волкодава, а тот оттопыривает зад и высоко поднимает хвост, готовясь к атаке. Но вместо того чтобы спастись бегством от опасности, чихуахуа принимает такую же позу, прыгает вперед и обхватывает морду волкодава своими крошечными лапками. Начинается игра.

В течение пяти минут собаки возятся, кувыркаются, прыгают и покусывают друг друга. Волкодав добровольно валится на бок, и маленькая собачка яростно гры-

зет его морду, брюхо и лапы. Случайное резкое движение — и чихуахуа стремительно улепetyвает, а потом осторожно движется по кругу, держась вне досягаемости большого пса. Волкодав лает и с шумом вскакивает. Тогда чихуахуа бросается вперед и сильно кусает его за ногу. Они как будто обнимаются — волкодав пастью обхватывает туловище чихуахуа, а та отбивается лапами, — и тут хозяин пристегивает к ошейнику великана поводок и тянет пса прочь. Чихуахуа поднимается, смотрит вдогонку, твackает и рысью возвращается к своему человеку.

Эти собаки совершенно непохожи — они как будто принадлежат к разным видам. Но при этом они играют так естественно, что диву даешься. Волкодав кусает, хватает чихуахуа, нападает на нее, но маленькая собачка отвечает ему дружелюбно и без страха. Чем объясняется их способность играть вместе? Почему волкодав не смотрит на чихуахуа как на добычу? Почему чихуахуа не считает волкодава хищником? Ответ отнюдь не в том, что чихуахуа питает иллюзии по поводу собственного роста или же что волкодаву недостает охотничьего азарта. Также это и не приобретенный инстинкт.

Есть два способа узнать, о чем думают играющие собаки, что они чувствуют и что выражают: родиться собакой или же провести много времени, внимательно за ними наблюдая. Первый способ для меня недоступен, зато я могу рассказать вам, что мне удалось выяснить путем наблюдений.

Я — собачник.

В нашей семье всегда жили собаки. Первой была голубоглазая длиннохвостая Астра. Она любила слоняться вечерами по округе, а я, в пижаме, бодрствовала допоздна,

ожидая ее возвращения. Я долго оплакивала смерть Хайди, спрингер-спаниеля, неутомимого бегуна. Как сейчас помню его свесившийся из пасти язык и длинные уши, весело развевающиеся на ветру. Хайди в конце концов попал под машину на шоссе неподалеку от нашего дома. Когда я училась в колледже, я с восхищением и нежностью смотрела на Беккет, нечистокровную суку чау-чау, которая мужественно наблюдала за моими утренними сборами.

Сейчас у моих ног, свернувшись и пыхтя, уютно лежит Пумперникель — дворняжка, которая прожила со мной шестнадцать лет. Пять разных штатов, пять лет магистратуры, четыре места работы... и каждый день начинался с постукивания хвоста, которым Пумперникель приветствовала меня, заслышав поутру мое сонное ворочанье. Как и всякий заядлый собачник, я не в силах представить свою жизнь без этого создания.

Я обожаю собак. А еще я — ученый.

Я изучаю поведение животных. С профессиональной точки зрения я с осторожностью отношусь к так называемому антропоморфизму — приписыванию животным чувств, мыслей и желаний, свойственных людям. Постигая методологию исследования, я узнала основные правила: не утрачивай объективности; не спеши давать психологических объяснений, если можно найти более простую интерпретацию; феномен, который невидим невооруженным глазом и не находит подтверждения, не является предметом научного изучения. Сейчас, будучи профессором и специалистом по поведению животных, сравнительному естествознанию и психологии, я пользуюсь авторитетными трудами, в которых речь идет о вещах, поддающихся

количественной оценке. В книгах описано все, начиная с гормональных и генетических причин социального поведения животных и заканчивая условными рефлексами, устойчивыми наборами действий и оптимальными приемами добывания пищи.

И все-таки, на большую часть вопросов, которые возникают у моих студентов, в учебниках нет ответов. На конференциях, где я представляю результаты исследований, ученые неизбежно заводят разговор о собственном опыте наблюдения за животными. У меня остаются те же самые вопросы по поводу моей собаки, и никаких внезапных озарений. Наука, опробованная на практике и запечатленная в книгах, редко имеет в виду наш реальный опыт сосуществования с животными и наши попытки понять ход их мыслей.

В магистратуре, когда я начала изучать психологию и особенно заинтересовалась мышлением животных, мне даже в голову не пришло изучать собак. Они казались такими знакомыми и понятными. Коллеги утверждали, что в них нет ничего интересного — это простые веселые создания, которых нужно дрессировать, кормить и любить... и все. В собаках нет никакой научной информации. Таково было единогласное мнение ученых. Мой научный руководитель изучал бабуинов. Приматы — излюбленная тема всех, кто интересуется животными: предполагается, что именно у наших братьев-обезьян вероятнее всего обнаружить навыки и способы познания, близкие человеческим. Такова была — и остается — преобладающая точка зрения ученых-бихевиористов. Более того, владельцы собак уже как будто сказали все возможное по поводу собачьей психологии. Их теории нередко брали свое начало из анекдо-

тических случаев и попыток очеловечить собаку. Само предположение о собачьем сознании казалось нелепым.

Обучаясь в Калифорнийском университете, в свободное время я проводила множество часов на местных собачьих площадках и пляжах с Пумперникель. Я училась на этолога (специалиста по поведению животных) и участвовала в двух исследовательских проектах. Мы наблюдали за животными с развитым социальным поведением — за белыми носорогами в Парке дикой природы в Эскондидо и за бонобо (маленькими шимпанзе) в зоопарке Сан-Диего. Я научилась вести тщательные наблюдения, собирать информацию, проделывать статистический анализ. Со временем тот же метод наблюдения я стала применять и на собачьей площадке. Внезапно собаки, с легкостью лавирующие между миром животных и миром людей, начали казаться мне незнакомыми существами: я перестала рассматривать их поведение как нечто простое и понятное.

Если раньше я с улыбкой наблюдала за игрой Пумперникель и знакомого бультерьера, то теперь моим глазам представал сложный танец, требующий взаимодействия, мгновенной реакции, оценки способностей и желаний друг друга. Легкий поворот головы, каждое движение носа казались осознанными и исполненными смысла. Я видела хозяев, которые не понимали ничего из того, что делали их собаки. Видела собак, чересчур умных для своих друзей по играм. Видела, как люди принимают собачью просьбу за смущение, а радость за агрессию. Тогда я начала брать с собой видеокамеру и снимать наши прогулки в парке. Дома я просматривала записи: собаки играют, люди бросают псам мячик или тарелочку... Беготня, борь-

ба, ласки, погоня, лай... Как только я осознала потенциальное богатство социальных взаимодействий в мире, где отсутствует речь, все эти вещи, некогда казавшиеся заурядными, превратились в необъятный кладезь информации. Когда я начала просматривать видео в замедленном режиме, то увидела вещи, которых не замечала в течение многих лет, проведенных рядом с собаками. При внимательном изучении простая возня двух собак оказалась головокружительной серией синхронных действий с активной сменой ролей, различными вариациями, бесчисленными адаптациями друг к другу, стремительными движениями и разнообразными игровыми событиями.

Передо мной предстали образцы собачьего мышления, заметные в тех случаях, когда животные общаются друг с другом и пытаются общаться с людьми, а также тогда, когда собаки интерпретируют действия людей и своих сородичей.

Я перестала смотреть на Пумперникель и вообще на собак прежними глазами. Хотя я отнюдь не собиралась отказываться от радостей общения с нею, научный взгляд на мир дал мне возможность по-новому оценить то, что она делает. Я получила возможность постичь жизнь с точки зрения собаки.

С тех пор я часто наблюдала за собаками, играющими с другими собаками и с людьми, и невольно стала причиной некоторых перемен в области изучения собак. Переворот еще не завершился, но сфера исследований уже стала значительно шире, чем двадцать лет назад. Если раньше число исследований, посвященных собачьему поведению и мышлению, было ничтожным, то теперь по этой теме проводятся конференции, создаются целые исследователь-

ские группы, в Штатах и за рубежом идет экспериментальное и этологическое изучение собак, результаты которого публикуются в научных журналах. Ученые увидели то же, что и я: изучение собаки — прекрасный вклад в естествознание. Собаки живут бок о бок с людьми на протяжении десятков тысяч лет. В результате искусственного отбора и одомашнивания они приобрели многие качества, свойственные человеческой психике, в том числе научились быть внимательными к окружающим.

В этой книге я представляю вам собаку с научной точки зрения. Биологи, изучающие рабочих и домашних собак, собрали внушительное количество информации — об их восприятии, особенностях поведения, а также о психологии, в частности — о когнитивных способностях. Благодаря совокупным результатам сотен исследований мы можем приступить к воссозданию картины мира с точки зрения собаки — что она чувствует и слышит, как смотрит на нас и что за мозг за всем этим кроется. Обзор когнитивных способностей собаки включает и мои труды, но простирается далеко за их пределы. По некоторым темам нет достаточно достоверной информации, касающейся собак, и тогда я прибегаю к данным по другим животным, если это может способствовать пониманию собак. (Для тех, у кого в процессе чтения пробудится интерес к исходным материалам, в конце книги приведен список литературы.)

Мы не наносим собакам никакого вреда, сходя с проторенной тропы и рассматривая их с научной точки зрения. Их способности и взгляд на мир заслуживают особого внимания. Результат необыкновенен: вместо того чтобы отстраниться, мы становимся ближе к собаке и можем восхититься ее истинной сущностью. Наука, если